

*Д.Ю. Бовыкин**

**«Я НЕ ПЕРЕСТАВАЛ ВЕРИТЬ,
ЧТО ВОТ-ВОТ РАЗРАЗИТСЯ ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ...»
ГРАФ ПРОВАНСКИЙ В 1755–1789 гг.¹**

Статья посвящена брату Людовика XVI, Людовику-Станисласу-Ксавье, графу Прованскому, будущему королю Людовику XVIII (1755–1824). Формирование его характера и политических взглядов, полученное им образование и попытки найти свое место в политической системе французской монархии, непростые взаимоотношения с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой, мнимое или реальное соперничество с братом, покровительство науке и культуре, литературная деятельность, те формы репрезентаций, которые он для себя избирал, – изучение всех этих сюжетов позволяет проследить тот путь, который привел принца крови и «сына Франции» к сотрудничеству с революционерами и снижал ему популярность у парижан накануне и в первые месяцы Революции.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., граф Прованский, Людовик XVI, Мария-Антуанетта, Людовик XVIII, Старый порядок.

Количество исследований, посвященных истории французской королевской семьи в последние десятилетия Старого порядка, весьма велико. Восшествие на престол Людовика XVI, его свадьба с Марией-Антуанеттой, смена министерств и связанные с этим перемены во французской внешней и внутренней политике, дело об «ожерелье королевы» – все это не раз становилось объектом пристального внимания исследователей. Братья же короля интересовали их существенно меньше, в том числе и потому, что править страной они станут намного позже, уже в XIX в. А между тем в 1789 г. один из братьев Людовика XVI всерьез рассматривался в качестве потенциального лидера на-

** Дмитрий Юрьевич Бовыкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИВИ РАН.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

чавшейся революции: с ним сотрудничали Э.Ж. Сийес и граф Мирабо, да и сам он позиционировал себя как человек, издавна стремившийся к переменам. «Я не переставал верить, что вот-вот разразится великая революция»², – скажет он зимой 1789/90 г. О том пути, что привел этого принца крови к сотрудничеству с революционерами, разрушавшими основы тысячелетней монархии, – пути, на который будущий Людовик XVIII встал еще в юные годы, и пойдет речь далее.

Людовик-Станислас-Ксавье родился в Версале 17 ноября 1755 г.³ Его отцом был старший сын Людовика XV Людовик-Фердинанд (1729–1765), носивший титул Дофина, матерью – Мария-Жозефа Саксонская (1731–1767), дочь Августа III, короля Польши и курфюрста Саксонии. Ребенок, получивший титул графа Прованского, был четвертым сыном в семье. Его самый старший брат, Людовик-Жозеф-Ксавье, герцог Бургундский (1751–1761), «по общему мнению, был прирожденным королем. Живой, обаятельный и вместе с тем самолюбивый и властный мальчик любил и умел во всем быть первым. Окружающие с восторгом и умилением угадывали в этом ребенке черты будущего властелина Франции»⁴. Однако он скончался даже раньше своего отца. Второй сын, Ксавье-Мари-Жозеф, герцог Аквитанский (1753–1754), не прожил и года.

Старшим товарищем по детским играм для графа Прованского стал третий сын Дофина – Людовик-Огюст, герцог Беррийский, будущий король Людовик XVI (1754–1793). А несколько позже у него появится и младший брат, Шарль-Филипп, граф д'Артуа, который много лет спустя станет последним французским монархом, принадлежавшим к старшей ветви Бурбонов – Карлом X (1757–1836). Биографы нередко отмечают, что родители больше всего любили старшего сына, герцога Бургундского, тогда как гувернантка, графиня де Марсан (*de Marsan*)⁵, осталась до конца жизни наиболее привязана именно к Людовику-Станисласу-Ксавье.

Год 1761, когда умер герцог Бургундский, многое изменил. После этого герцоги Беррийский и Прованский прошли, наконец, церемонию большого крещения, и оба получили имя «Людовик». Немного повзрослев, в апреле 1762 г. граф Прованский должен был, как тогда говорили,

² Archives parlementaires. 1ère série. P., 1880. Vol. XI. P. 33. Col. I.

³ Если не указано иное, при описании жизненного пути Людовика XVIII я основывался на книгах: *Lever E.* Louis XVIII. P., 1988; *Lucas-Dubreton J.* Louis XVIII. Le prince errant. Le Roi. P., 1925; *Mansel Ph.* Louis XVIII. 2nd ed. Guilford, 1999.

⁴ *Пименова Л.А.* Людовик XVI // ВИ. 2000. № 3. С. 63.

⁵ Мария-Луиза-Женевьева де Роан-Субиз (1720–1803) – вдова Гастона-Жана-Батиста Лотарингского, графа де Марсана. С 1754 г. гувернантка детей Франции.

passer aux hommes, то есть перейти под воспитание мужчины. И для него, и для старшего брата таким наставником стал герцог де Ла Вогийон (*de La Vauguyon*)⁶. Как заметит позднее герцог де Кроа, если герцог Беррийский воспитателя не любил и перестал к нему прислушиваться, едва женившись, граф Прованский был к нему более привязан⁷. Даже в 1771 г., когда создавался его Дом, этим руководил Ла Вогийон, который обладал, как вспоминает современник, «огромным влиянием на разум принца»⁸.

Образование братьев было вполне адекватно стоявшим перед ними задачам⁹. Граф Прованский хорошо знал латынь¹⁰ и любил латинских авторов (томик Горация был с ним до конца жизни), говорил по-итальянски и по-английски¹¹, разбирался в религиозном церемониале и фундаментальных законах французской монархии. Он хорошо знал историю¹², отличался прекрасной памятью¹³, любил и умел привести подходящую к случаю цитату и не отказывал себе в удовольствии сделать в письме отсылку к кому-либо из античных авторов¹⁴. Шатобриан называл его «принцем, известным своей просвещенностью, недоступным для предрассудков»¹⁵. Нередко можно встретить утверждения, что он «существенно превосходил братьев в науках и словесности»¹⁶. Впрочем, разумеется, подобные суждения трудно принимать на веру.

⁶ Антуан-Поль-Жак де Келен де Стюз де Косад, герцог де Ла Вогийон (1706–1772) – военачальник, друг Людовика-Фердинанда, воспитатель герцога Бургундского и его младших братьев.

⁷ *Croÿ E. de. Journal inédit du duc de Croÿ (1718-1784). P., 1907. Vol. 3. P. 6.*

⁸ *Moreau J.-N. Mes souvenirs. P., 1901. Vol. 2. P. 233.*

⁹ *Girault De Coursac P. L'éducation d'un Roi, Louis XVI. P., 1972.*

¹⁰ *Campan madame de. Mémoires sur la vie privée de Marie-Antoinette. P., 1823. Vol. 1. P. 126.*

¹¹ Любопытно, что его мать оттягивала, как могла, изучение сыном английского языка, «чтобы уменьшить влияние слишком дерзких сочинений». – *Beauchamp A. Vie de Louis XVIII: roi de France et de Navarre. P., 1821. P. 7.*

¹² *France d'Hézeques F., comte de. Souvenirs d'un page de la cour de Louis XVI. P., 1873. P. 52.*

¹³ *Neuilly A.-A.-Ch., comte de. Dix années d'émigration. P., 1865. P. 385.* Один из слуг Месье простодушно называет его память «обширнейшей и наилучшим образом заполненной». – *Arnault A.-V. Souvenirs d'un sexagénaire. P., 1833. Vol. 1. P. 167.* См. также: *Campan madame de. Op. cit. P. 126.*

¹⁴ См., например: *Geffroy Au. Gustave III et la cour de la France. P., 1867. 2ème éd. Vol. 1. P., 1867. P. 288; Campan madame de. Op. cit. P. 126.*

¹⁵ *Chateaubriand F.-R. de. De Buonaparte, des Bourbons, et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. P., 1814. 3ème éd. P. 61.*

¹⁶ *Biographie universelle ancienne et moderne / Sous la dir. de L.G. Michaud. P., Leipzig, [185?]. Nouvelle édition. Vol. 25. P. 240.*

Духовным наставником Детей Франции был назначен Ж.-Ж. Коэтлоске (*Coëtlosquet*)¹⁷, ставший в 1761 г., в соответствии с традицией, членом Академии. Изначально он был приглашен как наставник герцога Бургундского и посчитал, что должен оставить епископскую кафедру, поскольку счел, что новые обязанности не позволят ему в полную силу заниматься делами диоцеза. Постепенно ему было доверено обучение и других принцев. В 1771 г. граф Прованский назначит его главным раздатчиком милостыни своего Дома и поручит его заботам свои бенефиции, отметив, что «не знает человека более достойного ими управлять»¹⁸. Взойдя на престол, Людовик XVI сделает прелата командором ордена Святого Духа, но так и не сможет убедить его принять кардинальскую шапку.

Относительно степени религиозности графа Прованского между историками согласия нет: если одни, как Э. Левер, полагают, что «уроки христианского смирения, производившие впечатление на его брата, абсолютно на него не действовали»¹⁹, то другие, как Ф. Мэнсел, уверены, что «богословие было существенной частью его образования, и он всегда будет способен процитировать Библию, по крайней мере, так же часто, как классических авторов. Всю жизнь он оставался практикующим, а может быть, даже и верующим католиком»²⁰. Необычно большое количество религиозных сочинений в его личной библиотеке заставляет скорее склониться ко второму предположению.

Следующим поворотным моментом в жизни принца стал 1765 г., когда скончался его отец. Людовику-Станиславу было тогда 10 лет, а в 11 он потерял и мать. После смерти Дофина этот титул перешел к герцогу Беррийскому, а граф Прованский приобрел титул Месье (*Monsieur*). Его он и будет носить долгие годы.

Когда Людовик-Станислас немного подрос, в апреле 1771 г. Людовик XV принял решение об официальном создании его Дома. Известно, что образ жизни Месье в 1770–1780-х гг. сильно отличался от образа жизни его младшего брата, графа д'Артуа. В то время как тот, отмечал один из современников, вечером присутствовал на спектакле в «Комеди франсез», потом ужинал в Версале, а затем до четырех утра кутил в окружении разношерстной свиты в Пале-Рояле, граф Прованский про-

¹⁷ Жан-Жиль Коэтлоске (1700–1784) – епископ Лиможа (1739–1758).

¹⁸ Цит. по: *Levot P. Biographie bretonne. Vol. 1. Vanne-P., 1852. P. 384.*

¹⁹ *Lever E. Op. cit. P. 11.*

²⁰ *Mansel Ph. Op. cit. P. 12.*

водил свои дни в кабинете за книгами и занимался делами²¹. Даже в карточных играх, отмечал современник, Месье проигрывал меньше своих братьев²². Эта разница характеров в королевской семье была для придворных настолько очевидной, что, когда в 1776 г. популярной стала салонная игра «Всё» («*Les Tout*»), говорили, что «Король все сберегает, Королева все тратит, Месье все покупает, а граф д'Артуа над всем смеется»²³. Фраза «Месье все покупает» отражала еще одну сторону характера графа Прованского: он умел и любил заниматься деловыми операциями, которые помогали ему жить на широкую ногу. Ф. Мэнсел даже называет его «самым большим капиталистом из всех Бурбонов»²⁴

Свадьба Людовика-Станисласа-Ксавье состоялась 14 мая 1771 г. Людовик XV выбрал ему в жены Марию-Жозефину Савойскую, дочь наследника трона Карла-Амедея Савойского и внучку короля Сардинии. Невеста была на два года старше жениха. Двор оказался к ней настроен весьма критично; и она в ответ, по всей видимости, тоже не смогла его полюбить. Отлично зная, что ее считают слишком провинциальной, принцесса не видела необходимости изменять тем принципам, в которых она была воспитана. Однажды, когда она отказывалась принять участие в королевской театральной постановке и Мария-Антуанетта заметила, что принцесса могла бы и не быть столь щепетильной, раз играет сама королева, Мадам гордо ответила: «Если я и не королева, то я из того материала, из которого их делают!»²⁵

Двор долго обсуждал недостатки ее внешности и нехватку грациозности. Была ли жена графа Прованского действительно столь малопривлекательна? Мне видится, что Э. Лавер все же не совсем права, безапелляционно заявляя: «Все дворы Европы знали, что Людовик-Станислас-Ксавье женился на дурнушке»²⁶. Этому противоречат хотя бы многочисленные сохранившиеся портреты – даже если живописцы хотели польстить принцессе. Ее лицо кажется простоватым, пожалуй, ему не хватает благородства, однако это уравновешивается большими

²¹ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 17 juillet 1775 // Marie-Antoinette. Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le c^o de Mercy-Argenteau : avec les lettres de Marie-Thérèse et de Marie-Antoinette. P., 1875. Vol. 2. P. 355.

²² [Bachaumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des Lettres en France, depuis MDC-CLXII jusqu'à nos jours. Londres, 1780. T. 10. P. 275.

²³ Ibid. T. 9. P. 141.

²⁴ Mansel Ph. Op. cit. P. 25.

²⁵ Du Bled V. La comédie de société au XVIIIe siècle. P., 1893. P. 83.

²⁶ Lever E. Op. cit. P. 18.

красивыми глазами и почти восточными точеными чертами. Несомненно, при такой внешности многое зависело от мимики, обаяния, манеры поведения.

Современники же оценивали Марию-Жозефину довольно неоднозначно. «Граф Прованский кажется очарованным своей новой победой, – записал Л. де Башомон. – Однако она не красива <...>. Принцесса очень темная шатенка, у нее довольно красивые глаза, но чрезвычайно густые брови, узкий лоб, длинный и курносый нос, уже отчетливо видный пушок над верхней губой. Лицо, в котором нет ничего царственного или величественного»²⁷. Он же отмечал, что принцесса простодушна и непривычна к этикету. Мадам Дюбарри, как докладывал на родину посол Сардинии, жаловалась, что принцесса редко моется и не желает выщипывать брови²⁸. Другая современница напишет, что Мадам «была умна и обладала определенной приятностью манер, несмотря на чрезвычайно заметную некрасивую внешность»²⁹. Третья заметит, что она «некрасива, но у нее прекрасные глаза, в разговоре она блистает умом, весела без склонности к подшучиванию, что весьма ценно, особенно при дворе»³⁰. А герцог де Кроа как-то написал в очевидном изумлении, что «новая графиня Прованская танцует лучше, чем можно было бы ожидать, и держит себя в танце лучше, чем когда ходит»³¹.

Немало докладывал о графине Прованской в Вену и Мерси д'Аржанто. Он сразу ее невзлюбил, и не в последнюю очередь, на мой взгляд, из-за того, что, используя Мадам в своих политических раскладах, версальский двор нередко противопоставлял ее Марии-Антуанетте. По словам дипломата, графиня «ведет себя холодно, скованно, мало говорит, лишена грациозности» и талантов, а также не может не чувствовать, насколько австрийская принцесса умнее и красивее ее³². Описывая графиню, он не устал подчеркивать недостатки ее

²⁷ [Bachaumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Op. cit. Londres, 1784. Т. 5. P. 266.

²⁸ *Mansel Ph.* Op. cit. P. 13.

²⁹ *Boigne, É.-A. d'Osmond, comtesse de. Récits d'une tante : mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond.* P., 1921. Vol. 1. P. 39.

³⁰ *Mémoires de la baronne d'Oberkirch.* Bruxelles, 1834. Vol. 1. P. 158.

³¹ *Croy E. de.* Op. cit. P., 1906. Vol. 2. P. 493.

³² *Mercy à Marie-Thérèse.* Paris, 22 juin 1771 // *Marie-Antoinette...* P., 1874. Vol. 1. P. 173. Впрочем, и к жене графа д'Артуа австрийский дипломат относился не лучше, замечая, что «ее характер столь же плох, как и ее фигура». – *Mercy à Marie-Thérèse.* Paris, 22 mars 1774 // *Ibid.* Vol. 2. P. 118.

фигуры, полагал, что та плохо одевается, «говорит мало и неприятно», и с удовольствием передавал слова Людовика XV о том, что принцесса некрасива, добавляя, что весь двор придерживается того же мнения³³. Спустя 11 лет, уже в царствование Людовика XVI, посол доложит, что король так ее не любит, что не хочет с ней ни обедать, ни ужинать³⁴.

Мария-Терезия, получавшая информацию о графине Прованской не только от Мерси, призывала дочь проявить к ней жалость и представить себя на месте принцессы, которой никогда не суждено править. Императрица передавала слова одного австрийского дипломата, полагавшего, что принцесса «нехороша собой, очень скованна, человек не светский, но в остальном прекрасно воспитана», и высказывала надежду, что это может стать в будущем залогом крепкой дружбы³⁵.

Сама же Мария-Антуанетта то отгалкивала графиню Прованскую, то приближала ее к себе: и потому, что понимала, каково это быть одной на чужбине, и потому, что рассчитывала тем самым расколоть противостоящую ей группировку³⁶. «Его жена во всем следует за ним, но лишь из страха и по глупости, будучи, как мне кажется, весьма несчастной»³⁷, — писала королева матери в январе 1772 г. Однако что бы Мария-Антуанетта ни думала о жене деверя, это не мешало ей, к примеру, попросить принцессу уговорить ее мужа посетить бал в Опере, на котором ей очень хотелось побывать³⁸.

Летом 1789 г. двор был шокирован разговорами о связи Марии-Жозефы с ее чтицей, мадам де Гурбийон (*Gourbillon*)³⁹. По просьбе графа Прованского король даже велел выслать ее в Лилль, подписав одно из последних *lettre de cachet* в истории Старого порядка. Современники обвиняли ее в том, что именно она пристрастила Мадам к алкоголю⁴⁰; репутацию самой принцессы это очевидно, тоже не улучшило...

³³ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 22 mai 1771 // Ibid, Vol. 1. P. 166.

³⁴ Mercy à Joseph II. Paris, 22 novembre 1782 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 139.

³⁵ Marie-Thérèse à Marie-Antoinette. Schönbrunn, le 8 mai 1771 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 158.

³⁶ См., например: Mercy à Marie-Thérèse. Fontainebleau, 22 octobre 1770 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 63 ; Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 25 février 1771 // Ibid. P. 133.

³⁷ Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Le 21 janvier 1772 // Ibid. P. 261.

³⁸ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 22 mars 1774 // Ibid. Vol. 2. P. 119.

³⁹ Жанна-Маргарита Гурбийон стала чтицей графини Прованской около 1775 г. После недолгой разлуки летом 1789 г. подруги воссоединились, вместе эмигрировали и расстались лишь в 1799 г.

⁴⁰ *Bombelles marquis de*. Journal. Genève, 1982. Vol. 2. 1784–1789. P. 286.

Биографию графа Прованского нет смысла подробно пересказывать год за годом, благо она уже неоднократно описана и в популярной, и в научной литературе. Хотелось бы остановиться на ином: несмотря на то что жизнь Месье постоянно проходила на виду и отдельные ее эпизоды отражены в многочисленных мемуарах и документах, по сути ни один из биографов не может ответить на вопрос, что представлял из себя граф Прованский: каковы были его желания и надежды, склад характера, политические взгляды. Это то и дело приводит историков к необходимости – осознанно или неосознанно – приписывать Месье те интенции, которые казались бы им уместными и логичными, но которые совершенно невозможно подтвердить с опорой на конкретные материалы.

Подобная ситуация объясняется, на мой взгляд тем, что с юных лет граф Прованский научился использовать публичный образ жизни, неотъемлемый от статуса принца крови, себе на благо; он был мастером репрезентаций. Он намеренно создавал и проецировал вовне те образы «сына Франции», которые отвечали его интересам, и уловить за этой системой образов его собственный характер весьма сложно. Дополнительные проблемы создает то, что это искусство, доведенное до высшего совершенства Людовиком XIV, во второй половине XVIII в. воспринималось уже не с восхищением, а с раздражением. В век, когда, по крайней мере на теоретически-философском уровне, ценилась естественность, принца нередко обвиняли в неискренности; в этом плане его старший брат выглядел в глазах современников более выигрышно. Не случайно станет знаменитой фраза, которую Наполеон якобы скажет графу де Моле в 1815 г. о Людовике XVIII: «Это Людовик XVI, у которого меньше искренности и больше ума»⁴¹. Однако и до того, как граф Прованский стал королем, его умение прятать за созданными образами свои чувства и желания не только приносило ему дивиденды, но и создавало немало проблем, особенно в отношениях с Людовиком XVI и его женой.

Вот несколько репрезентаций, которые мне видятся для Месье наиболее принципиальными.

Счастливый муж. Это ампула, очевидно, призвано было выгодно оттенить графа Прованского на фоне семьи старшего брата, поскольку

⁴¹ *Sorel A. L'Europe et la Révolution française. P., 1904. Vol. 8. P. 416.* Ср. У одного из современников: «Менее искренний, чем его старший брат, Людовик XVIII, также как и тот, по природе своей, обладал той двуличностью, которая неотделима от слабости. Природное добродушие в соединении с определенной строгостью нравов помогало Людовику XVI компенсировать этот недостаток». – *Hobhouse J. Histoire des Cents jours. P., 1819. P. 74–75.*

ходило немало слухов о том, что Мария-Антуанетта разочарована мужем и его неспособностью иметь детей. Несмотря на критичное отношение двора к Мадам, сам Людовик-Станислас не уставал подчеркивать, насколько он счастлив в браке.

Когда на следующий день после свадьбы граф д'Артуа шуточно заметил брату, что тот слишком громко прокричал: «Да», Людовик-Станислас тут же парировал: «Это потому, что я хотел, чтобы меня было слышно до самого Турина»⁴². Л. де Башомон, завершая описание принцессы, не мог не отметить: «Как бы то ни было, она нравится принцу, и на следующий день он объявил королю, что был счастлив четырежды»⁴³. Тот же автор приводит разговор графа Прованского с герцогом Беррийским. Новобрачный спросил брата, как тому его жена, и услышал простодушный ответ: «Не очень. Не хотел бы я, чтобы она была моей женой». На что граф Прованский якобы ответил: «Я просто счастлив, что вы нашли себе по *своему* вкусу. Мы оба довольны, поскольку моя мне бесконечно нравится»⁴⁴.

Дважды – в 1774 и 1781 гг. – при дворе ходили разговоры о беременности Мадам, и граф Прованский даже подбирал воспитательницу для своих детей. В 1781 г. скорое рождение у принца наследника казалось настолько реальным, что даже Мерси д'Аржанто не на шутку встревожился⁴⁵. По крайней мере еще один раз, в 1779 г., слухи о том, что жена графа Прованского ждет ребенка, появились в европейских газетах, и Марии-Антуанетте даже пришлось специально писать матери по этому поводу, заверяя императрицу, что все это было лишь «газконадой» со стороны Месье⁴⁶. Отражали ли эти разговоры реальное положение дел?⁴⁷ Так или иначе, они работали на образ и не случайно, видимо, Мария-Антуанетта не сомневалась, что информация в газеты просочилась с подачи ее деверя.

Удачливый любовник. Это ампула, видимо, использовалось для того, чтобы пресечь разговоры о мужской несостоятельности принца, ведь

⁴² [Bachumont L. Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.]. Op. cit. T. 5. P. 266.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Mercy à Joseph II. Paris, 16 octobre 1781 // Correspondance secrète du Comte de Mercy-Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le Prince de Kaunitz. P., 1889. Vol. 1. P. 66–67.

⁴⁶ Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Versailles, 16 août 1779 // Marie-Antoinette... P., 1874. Vol. 3. P. 339.

⁴⁷ Ф. Мэнсел, к примеру, уверен, что беременности 1774 и 1781 гг. были реальными. – Mansel Ph. Op. cit. P. 13.

у него единственного из трех братьев так и не появилось детей. При дворе это активно обсуждалось и влияло не только на его репутацию, но и на множество иных аспектов, в том числе на возможность вовлекать в свою орбиту верных соратников. Демонстрации привязанности к жене и слухов о ее беременности здесь явно было недостаточно, нужны были разговоры о галантных победах, тем более что внешность Месье также вызывала сомнения в том, что он может нравиться женщинам. «Месье стал огромным, как бочка»⁴⁸, – напишет одна из современниц в 1775 г. Он отличался нездоровой полнотой уже к тридцати годам с трудом взбирался на лошадь⁴⁹, будут впоследствии вспоминать другие⁵⁰.

Около 1780 г. внимание принца привлекла умная, грациозная и смешливая Анна Жакоб Номпар де Комон Ля Форс (*Caumont La Force*), дочь Бертрана Номпара де Комон Ля Форса, первого камер-юнкера графа Прованского в 1771–1773 гг. Отец умер, когда ей было 20 лет, мать была придворной дамой графини Прованской, а затем стала воспитательницей детей графа д'Артуа. В 1776 г. Анна вышла замуж за дворянина генуэзского происхождения Франсуа Мари Армана, маркиза де Пиовера (*de Piovera*), графа де Бальби (*de Balbi*). Через некоторое время она рассталась с мужем из-за его психического расстройства, и в конце концов он был отправлен в психиатрическую клинику в Санлисе. Правда, при дворе судачили, что муж застал ее с другим мужчиной и хотел убить их обоих и даже ребенка, но графиня воспользовалась своими связями для того, чтобы объявить мужа сумасшедшим⁵¹.

В июле 1780 г. графиня Прованская неожиданно для всех назначила де Бальби, недавно расставшуюся со своим мужем, своей придворной дамой, что привело к конфликту и в ее окружении, и при дворе в целом, поскольку семейство де Ноайлей было задето этим назначением⁵². Пошли даже слухи о том, что мадам де Бальби была любовницей графини Прованской⁵³ (или, как деликатно писала автор одних мемуаров, в отношении мадам де Бальби «Мадам разделяет предпо-

⁴⁸ *Geffroy Au. Op. cit. P. 286.*

⁴⁹ Тем не менее охоту Месье любил и, даже растолстев, выезжал на нее один или два раза в месяц.

⁵⁰ *France d'Hézeques F., comte de. Op. cit. P. 383.*

⁵¹ [*Bachaumont L. Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.] Op. cit. Londres, 1784. T. 15. P. 234.*

⁵² *Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 15 juillet 1780 // Marie-Antoinette... Vol. 3. P. 446–447.*

⁵³ [*Bachaumont, L. Petit de, Pidansat de Mairobert, M.-F., Mouffle d'Angerville, B.-F.-J.] Op. cit. Londres, 1784. T. 15. P. 235.*

чтения своего именитого мужа, не знаю лишь, до какой степени»⁵⁴). Мерси отмечал, что этот слух очень сильно повредил принцессе в глазах общественного мнения, а когда через пару месяцев последовало новое назначение, тут уже король вынужден был напомнить Мадам, что назначения на такие должности должны с ним согласовываться⁵⁵.

«Она вызывает много споров, – напишет впоследствии одна из современниц, видевшая де Бальби при дворе, – одни разглядывают ее, другие не замечают, и все очень горячатся, нападая на нее или же ее защищая. Она не женщина-политик, она симпатичная женщина; хотя она и не очень красива, она полна грациозности и привлекательности, но в особенности фривольности. Ее веселость неиссякаема, так что люди не очень щепетильные постоянно ищут ее общества. Ее многие любят, сами не зная, почему, но, без сомнения, за эту самую веселость. Повсюду говорят о ее эlegantности и хорошем вкусе»⁵⁶.

Их роман с графом Прованским развивался с переменным успехом, в эмиграции они также первое время были вместе.

Просвещенный и щедрый меценат. Эту роль Людовик-Станислас избрал для себя еще до воцарения брата и играл ее до самого начала Революции. Количество людей науки и искусства среди его офицье и слуг не может не поражать, причем как на самых высоких, так и на самых низких постах. Даже простое их перечисление со всеми должностями и регалиями весьма показательно и может составить сюжет отдельной статьи; назову лишь несколько имен.

Сюринтендат финансов принца Жюль-Давид Кромю де Бург (*Cromot du Bourg*) оказал немалое влияние на формирование не только художественного вкуса графа Прованского, но и его репутации в мире искусства, подбирая принцу придворных художников и скульпторов, вовлекая его в проекты, имевшие большой общественный резонанс. Их финансировал казначей Месье Дени Пьер Жан Папийон де ля Ферте (*Papillon de La Ferté*) – автор трудов по географии, астрономии, математике, знаменитый коллекционер живописи. Одним из ближайших соратников Людовика-Станисласа и его шталмейстером в эти годы был Анн-Пьер, маркиз де Монтескью Фезенак (*Montesquiou Fezenac*) – поэт и драматург, член Французской академии (1784). Первым советником – Жакоб-Николя Моро (*Moreau*), известный в то время юрист, журналист и исто-

⁵⁴ Mémoires de la baronne d'Oberkirch. P. 70.

⁵⁵ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 16 septembre 1780 // Ibid. P. 466.

⁵⁶ Mémoires de la baronne d'Oberkirch. P. 69, 70.

рик, Первый историограф Франции, член Французской академии (1785). Гофмейстером – Франсуа-Антуан Буасси д’Англа (*Boissy d’Anglas*), известный литератор, поэт, историк, член Академий Нима, Лиона и Ля Рошели, член-корреспондент Академии надписей и изящной словесности. Гардеробмейстером – Антуан-Венсан Арно (*Arnauld*), поэт, автор популярных трагедий.

Широко известны были и те, кто работал у графа Прованского секретарями: член Академии (1787), поэт и историк, друг Ж.-Ж. Руссо Клод-Карломан де Рюльер (*de Rulhière*)⁵⁷; Николя Демюнье (*Démeunier*), автор «Энциклопедии», славившийся своими переводами с английского и считавшийся одним из предвестников социальной антропологии; Жан-Франсуа Дюкис (*Ducis*) – известный писатель, поэт и драматург, в 1778 г. занявший в Академии освободившееся место Вольтера.

Естественно, что, приглашая на должности в своем Доме непрофессионалов, принц вынужден был терпеть и определенные неудобства. Но лишь раз он вышел из себя, когда один из его камердинеров – Луи-Робер-Парфэ Дюрюфле (*Durufflé*), известный поэт, баллотировавшийся, правда неудачно, в Академию, – сделал ему больно, надевая чулок. «Сколь же вы глупы!» – в сердцах вскричал Месье, и камердинер, испугавшись, что расположения принца ему уже не добиться, продал свою должность⁵⁸.

Месье и сам был не чужд литературных опытов. В частности, он нередко писал заметки в *Mercure de France*, *Gazette de France* и *Journal de Paris*, причем особенно любил посмеяться над чужим легковерием: то он описывал неизвестное науке животное, якобы найденное в Чили, то начинал сбор средств в пользу ходящего по воде часовщика из Лиона⁵⁹. Особенно удалась ему, по воспоминаниям современников, мистификация с фантастическим животным. Придумав существо с ногами страуса, рогами буйвола, хвостом обезьяны и львиной гривой, он не только опубликовал о нем заметки в ряде парижских газет, но и приказал выпустить сотни гравюр, пока читающая публика окончательно не поверила в абсолютную реальность такого монстра⁶⁰. В другой раз он опубликовал в *Mercure de France* протокол осмотра багажа, якобы поступивший с марсельской таможни, согласно которому в багаже

⁵⁷ Клод-Карломан де Рюльер (1735–1791) – дипломат.

⁵⁸ *Arnauld A.-V.* Op. cit. P. 166.

⁵⁹ *Ibid.* P. 168–169.

⁶⁰ *Créqy R.C. de Froulay, marquise de.* Souvenirs de la marquise de Créqy de 1710 à 1803. P., 1873. Vol. 5. P. 42.

французского консула в Александрии были найдены крокодильи яйца, из которых за время пути вылупились крокодилы и кинулись на таможенников, стоило тем заглянуть внутрь⁶¹.

Кроме того, граф Прованский писал неплохие стихи, широко известно было и об его увлечении историей. «Месье жил обычно весьма уединенно, – вспоминает современник, – занимаясь литературой и делая исторические записи о тех событиях при дворе, которые проходили перед его глазами. Этот принц был единственным историком, которого я знал при дворе Людовика XVI»⁶². В том же 1801 г., когда вышли процитированные мемуары, Людовик XVIII напишет по поводу этой фразы:

«Чистая правда, что довольно долго я жил достаточно уединенно, что я всегда любил литературу, однако я не делал исторических записей и еще менее того могу считаться историком. У меня действительно в 1772 г. была такая прихоть – написать воспоминания, я даже написал три десятка страниц, и возможно даже, что я не сжег их с другими своими бумагами, когда дважды их пересматривал – в 1789 и 1791 гг. Если г-н С. и правда прочитал эту дребедень, написанную семнадцатилетним мальчишкой, то он судит меня слишком снисходительно.

Я также накропал немало стихов. За исключением логогрифа, для которого было избрано слово Пифагор, опубликованного под псевдонимом в *Mercure*, и мадригала, который я оставил у себя, все остальные постигла та участь, которой они заслуживали: еще до того, как успевали просохнуть чернила, они перекочевывали с моего стола в камин. Единственное мало-мальски значительное произведение, которое вышло из-под моего пера, но так и не было опубликовано, – это перевод книги Горация Уолпола под названием «Исторические сомнения касательно жизни и правления Ричарда III»⁶³.

Король, безусловно, рисуется, «не придавая значения» ни тем стихам, которые дошли, пусть в пересказах, до наших дней, ни многочисленным публикациям в том же *Mercure*. Однако он прав: историком его назвать действительно сложно. Впрочем, все это не отменяет его сильнейшей тяги к научным знаниям. Как вспоминает один из его слуг, даже церемонию пробуждения Людовик-Станислас использовал для научных бесед на интересующие его темы: «Поскольку он обладал об-

⁶¹ Ibid.

⁶² *Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. P., an X (1801). Vol. 2. P. 78.*

⁶³ [Louis XVIII] Notes de lecture // *Le Correspondant*. 10.01.1910. № 238. P. 39.

ширными знаниями, то не упускал случая ими блеснуть. Если появлялся доктор Лемонье (*Lemonnier*), разговор сразу же заходил о ботанике, с историографом Моро он беседовал о хартиях и хрониках, о литературе – с академиком Рюльером, о городских слухах – с медиком его конюшен, который также обслуживал и мадам де Бальби, а приходивший почти каждое утро доктор Бошен (*Beauchênes*) сообщал ему вчерашние новости»⁶⁴.

В то же время граф Прованский не только окружал себя людьми науки и искусства – в полном соответствии с духом времени он был также известным и довольно активным коллекционером. Он обладал весьма значительной коллекцией полотен и рисунков, преимущественно голландских и фламандских, считался одним из самых верных клиентов братьев Жакоб, известных французских мебельщиков: только между 1781 и 1786 г. он приобрел 574 кровати, 244 кресла и 138 стульев, выполненных в очень современной для той эпохи стилистике. Еще более впечатляющей была его библиотека. В одном Версале в распоряжении Месье было 11 с половиной тысяч книг: творения античных авторов, труды по теологии, истории, медицине, оптике, иным наукам.

Невозмутимый принц. Невозмутимость, умение не демонстрировать своих чувств окружающим, не нервничать и не суетиться перед лицом быстро меняющихся обстоятельств – вот те черты, которые неизменно отмечают у Месье современники вне зависимости от своего социального положения. Письма графа Прованского доказывают, что это не случайность, а черта, которую он старательно в себе культивировал. «Я быстро овладел внешними проявлениями своих чувств, – делился он с королем Швеции после получения известия о первой беременности Марии-Антуанетты, лишившей его надежд получить престол, – и неизменно держу себя, как и прежде. Я не проявляю ни радости, которая могла бы показаться фальшивой, да и была бы таковой, поскольку, говоря откровенно, и вы легко можете в это поверить, отнюдь ее не чувствую, ни грусти, которую могли бы приписать малодушию»⁶⁵.

Эта невозмутимость нередко злила тех, кому приходилось общаться с Людовиком-Станиславом-Ксавье, поскольку не позволяла догадаться о его истинных чувствах. Как писал брат Марии-Антуанетты Иосиф II: «Месье – существо загадочное, получше, чем король, но от него ис-

⁶⁴ *Arnault A.-V.* Op. cit. P. 167.

⁶⁵ *Geffroy Au.* Op. cit. P. 295.

ходит лютый холод»⁶⁶. Эта черта принца вызывала раздражение и у Мерси д'Аржанто: он не раз докладывал Марии-Терезии о том, что поведение Месье в отношении королевы настолько мудро и выверено, что заставляет заподозрить неладное⁶⁷. Один из мемуаристов отметит спустя много лет, что еще когда Людовик XVIII был Месье, «его упрекали в Версале за надменность, настолько неуместную у брата короля, что она казалась почти нелепой»⁶⁸. «Амбициозный и скрытный придворный»⁶⁹, – напишет о графе Прованском другая современница.

Сходным образом характер графа Прованского виделся и с другого полюса, со стороны слуг: «Хотя [мои] обязанности не были ни трудными, ни сложными, из-за застенчивости, которую я тогда еще не поборол, я выполнял их довольно неловко. Надо отдать должное принцу, он не проявлял ни малейшего нетерпения: ни слова не говоря, он ждал, пока моя рука перестанет дрожать. Но как он, казалось, не замечал мою неумелость, так же он не замечал и мою ловкость, когда я стал менее неуклюжим: это был настоящий идол, который не проявлял ни неудовольствия, ни удовлетворения тем умением или его отсутствием, с которым ему служили его жрецы»⁷⁰.

Ж.-М. Ожеар, придворный Марии-Антуанетты, также жалуется в своих мемуарах на холодность Месье. По его словам, когда он прибыл в эмиграцию в 1791 г. и хотел встретиться с графом Прованским, тот сказал ему всего несколько слов, тогда как Мадам проговорила с ним больше трех часов. Ожеар, считая, что оказал Людовику немало услуг в деле маркиза де Фавра, был оскорблен до глубины души: «Вежливый человек лучше обращается со слугой, чем Месье принял меня».

⁶⁶ Иосиф II – Леопольду. Париж, 11 мая 1777 г. // Maria-Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz / Hg. von A. Ritter von Arneth. Wien, 1868. Band 2. S. 134. Позволю себе все же две ремарки. Во-первых, Иосифу II при Версальском дворе не понравился никто: в том же письме он отметил, что король плохо воспитан, королева не любит мужа и думает только о собственных развлечениях, жена графа д'Артуа – «полная идиотка», тетушки короля – ничтожества. Иными словами, Месье еще повезло, к тому же их антипатия была взаимной. И во-вторых, не исключено, что Иосифу II просто нравилась эта характеристика, «существо загадочное», по крайней мере, 10 апреля 1769 г. он уже употреблял ее в письме матери в адрес совсем другого принца в совсем другой стране. – Ibid. Wien, 1867. Band I. S. 256.

⁶⁷ См., например: Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 20 avril 1775 // Marie-Antoinette... Vol. 2. P. 323 ; Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 18 mai 1775 // Ibid. Vol. 2. P. 336 ; Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 17 juillet 1775 // Ibid. Vol. 2. P. 355.

⁶⁸ Mémoires du comte Beugnot, ancien ministre, publiés par le comte Albert Beugnot, son petit-fils. P., 1866. Vol. 2. P. 134.

⁶⁹ Boigne, É.-A. d'Osmond, comtesse de. Op. cit. P. 38.

⁷⁰ Arnault A.-V. Op. cit. P. 165–166.

Однако когда Мадам спросила Месье, имеет ли он что-то против Ожера, тот якобы ответил, что, напротив, считает его «очень галантным человеком»⁷¹.

По всей видимости, принц очень четко очерчивал для себя ближний круг, где он мог позволить себе быть собой. Сохранились свидетельства о том, что среди близких людей и тогда, и впоследствии он вел себя совершенно иначе: легко и свободно, любил и умел пошутить, слыл великолепным рассказчиком. Как отмечал один из придворных, рассказывая уже про времена после Реставрации, король «перед людьми, которых хорошо знал», «остроумнейшим образом рассказывал даже самые непристойные анекдоты и так играл лицом, что это сделало бы честь лучшим комикам»⁷².

С теми же, кто в этот ближний круг не входил, он держал себя совершенно иначе. «Его осторожность никогда не позволяла ему полностью открыть душу»⁷³, – напишет впоследствии его первый советник. Особенно он был требователен к тем, кто ему служил: будучи добрым с ними, «он требовал, чтобы они служили ему усердно, исправно и с умом»⁷⁴. Один из юных в то время придворных рассказывал впоследствии историю, которую пронес через годы и которая видится мне весьма показательной. Когда только создавался Дом Месье, он отважился спросить у принца, попадают ли туда двое его знакомых, объяснив свою просьбу тем, что они очень волнуются и их «сердца сильно бьются» в ожидании добрых новостей. «А ваше сердце тоже сильно бьется?» – неожиданно спросил Людовик-Станислас, положив руку ему на грудь. Юноша стал лепетать, что, если бы он мог надеяться на такую честь, то и его сердце колотилось бы столь же сильно, но Месье, все для себя уяснив, убрал руку, развернулся на каблуках и в последующие несколько лет не удостоил этого придворного ни единым словом⁷⁵.

Лояльный и дружелюбный брат. Граф Прованский на людях, как правило, демонстрировал свою лояльность брату, а затем и государю,

⁷¹ *Augeard J.-M. Mémoires secrets de J.-M. Augeard, secrétaire des Commandemens de la reine Marie-Antoinette (1760 à 1800). P., 1866. P. 276, 280, 282.* Признаться, из того, как Ожер последовательно описывает все перипетии своего посещения, складывается ощущение, что во время первой встречи Людовик, с письмами в руках, шел к себе в кабинет, а потом сел обедать и попросту забыл о визитере.

⁷² *Neuilly A.-A.-Ch., comte de.* Op. cit. P. 384.

⁷³ *Moreau J.-N.* Op. cit. P. 453.

⁷⁴ *Neuilly A.-A.-Ch., comte de.* Op. cit. P. 384.

⁷⁵ *Mémoires du duc Des Cars, colonel du régiment de dragons-Artois, brigadier de cavalerie, premier maître d'hôtel du Roi. P., 1890. Vol. I. P. 112.*

неизменно был с ними благожелателен и корректен. Нередко он устраивал для королевской четы празднества в своих замках. После провозглашения герцога Беррийского королем все три брата и их семьи проводили много времени вместе, встречаясь почти каждый вечер; из-за закрытых дверей нередко доносились раскаты хохота. Из переписки Марии-Антуанетты мы знаем, что всякий раз, когда между ней и Месье происходил конфликт, Людовик-Станислас стремился к примирению, часто сопровождал Марию-Антуанетту во время ее поездок за пределы дворца. Вообще, складывается впечатление, что Месье всегда тяготел к скорейшему прекращению любых споров и разногласий внутри королевской семьи⁷⁶.

Чем ближе к Революции, тем чаще принц поддерживал брата и в политических вопросах. Он разделял позицию Людовика XVI в его резко отрицательной реакции на «Женитьбу Фигаро»: считается, что именно Месье руководил нападками на Бомарше и чуть ли даже не оплачивал кампанию против него⁷⁷. Во время участия в обоих Собраниях нотаблей он всякий раз, в отличие от большинства других принцев, выступал на стороне короля и проводил через свои бюро нужные короне решения⁷⁸. И наконец, когда за несколько дней до королевской декларации о союзе Генеральных штатов ряд принцев (Конде, Бурбон, Энгийен и др.) отправили королю так называемое «Письмо принцев», в котором предупреждали о том, что монархия может пострадать от неконтролируемых дебатов, и негодовали, что права первых двух сословий оказываются серьезно ущемлены, граф Прованский подписать письмо отказался⁷⁹, став одним из немногих принцев крови, принявших сторону монарха.

Твердый и дальновидный политик. При том, что Месье явно демонстрировал интерес к политике и финансам, Людовик XVI так и не ввел брата в Королевский совет. Мерси д'Аржанто поясняет логику

⁷⁶ См., например: Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 17 décembre 1775 // Marie-Antoinette... Vol. 2. P. 410.

⁷⁷ *Кастр Р. де.* Бомарше. М., 2003. С. 322.

⁷⁸ Правда, злые языки утверждали, что на втором Собрании нотаблей, когда голоса разделились практически поровну, решение в пользу удвоения представительства третьего сословия в Генеральных штатах прошло лишь потому, что престарелый граф де Монбюассе (*de Montboissier*), чей голос в итоге оказался решающим, заснул во время дебатов. Проснувшись посреди голосования, он якобы спросил соседа: «Что говорят?» – «Говорят: да», – ответил тот. – *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette, publiés par sa famille.* P., 1837. Vol. 2. P. 184. Эта же история, хотя немного иначе, также рассказана в: *Souvenirs et fragments pour servir aux Mémoires de ma vie et de mon temps. par le Marquis de Bouillé (Louis-Joseph-Amour).* P., 1906. Vol. 1. P. 95.

⁷⁹ *Mémoires du Marquis de Bouillé.* P., 1859. P. 138.

такого решения: королевская семья боялась, что граф Прованский станет играть в нем роль первого министра⁸⁰. Впрочем, ситуация была ясна и без австрийского дипломата: со времен Фронды короли Франции опасались допускать родственников к политике, в том числе и потому, что их достаточно сложно отправить в отставку и удалить от двора, как обычного министра.

Несмотря на то, что место в Совете ему не предложили, Месье нередко обсуждал со своими приближенными вопросы текущей политики, формировал о них свое мнение и стремился донести его как до брата, так нередко и до широкой публики. Сразу после воцарения Людовика XVI в октябре 1774 г. граф Прованский направил королю мемуар против возвращения парламентов, озаглавленный «Мои мысли». Информированный современник предполагает, что его настоящими авторами были барон Кром де Бург, в то время сюринтендант финансов Месье, и барон Ф.Ж. Орсо де Фонтет (*Orceau de Fontette*), его канцлер и хранитель печати⁸¹. В те годы принц выступал против Тюрго и немало делал для того, чтобы добиться отставки реформатора⁸², стремился отстранить от власти Неккера⁸³, ему приписывали карикатуры на Тюрго и Калонна⁸⁴.

И впоследствии граф Прованский никогда не упускал возможность подчеркнуть свою политическую роль. Выступая перед братом после закрытия первого Собрания нотаблей (1787), он не преминул заметить, что «счастлив быть первым дворянином королевства, поскольку это дает ему возможность выступать перед королем от имени дворянства...»⁸⁵

Для дореволюционного периода жизни графа Прованского эти презентации, пожалуй, наиболее важны; именно они формировали об-

⁸⁰ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 17 juillet 1775 // Marie-Antoinette... Vol. 2. P. 368.

⁸¹ [Bachaumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Op. cit. Londres, 1780. T. 7. P. 228–229.

⁸² Фоп Э. Опала Тюрго 12 мая 1776 г. М., 1979. С. 377, 471.

⁸³ Ходили слухи, что именно Месье организовал интригу, настроившую парламенты против Неккера: якобы тот доверил брату короля тайный мемуар относительно провинциальных собраний, а Месье поставил о нем в известность членов парламентов. – *Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette...* P. 252–253. Историки пересказывают этот эпизод (в частности, Э. Левер), нисколько в нем не сомневаясь. Впрочем, Мерси д'Аржанто, которого трудно заподозрить в симпатиях к Месье, повествует о нем иначе: якобы принц сам попросил мемуар у Неккера, по неосторожности рассказал о его существовании одному из придворных, а тот уже сам организовал интригу так, чтобы виноватым оказался граф Прованский. – *Correspondance secrète...* P. 40–41.

⁸⁴ *Soulavie J.-L.* Op. cit. P. 83.

⁸⁵ *Rozoir Ch. du.* Le dauphin, fils de Louis XV et père de Louis XVI et de Louis XVIII: ou Vie privée des Bourbons. P., 1815. P. 622.

раз принца в глазах двора, а порой и общественного мнения. Однако, разумеется, возникает резонный вопрос о степени их эффективности.

Самыми успешными из созданных графом Прованским образов мне видятся два: образ просвещенного принца и умелого, опытного политика. Вольтер восхвалял стремление графа Прованского возродить времена трубадуров⁸⁶ и отмечал в одном из писем: «Пока Месье принимает в чем-то участие, во Франции продолжает существовать хороший вкус»⁸⁷. К середине 1780-х гг. популярность Месье была едва ли не больше популярности любого другого члена королевской семьи: ему верили, его любили, с ним связывали надежды. В 1784 г., на премьере «Женитьбы Фигаро», зал приветствовал его бурными овациями⁸⁸. Когда в 1787 г. падение авторитета Людовика XVI и Марии-Антуанетты вызвало лавину оскорбительных памфлетов и сатирических гравюр, на эстампе, изображавшем умирающую Францию, именно Месье перевязывал ее раны. Когда 17 августа того же года граф Прованский прибыл в Счетную палату для регистрации королевского эдикта, его встретили цветами и шквалом аплодисментов, тогда как графа д'Артуа, приехавшего с тем же эдиктом в Налоговую палату, освистали⁸⁹.

Другая часть репрезентаций видится мне успешной лишь отчасти, однако не очень понятно, мог ли здесь принц при всем желании добиться большего. Учитывая особенности его супруги, едва ли Месье сумел бы год за годом изображать счастливого и пылкого мужа: он довольно быстро, уже примерно к 1770 г., отдалился от жены, и их брак едва ли можно назвать счастливым. В 1789 г. Мадам напишет, что «он был хозяином в моем доме, но не был хозяином моего сердца, никогда им не был»⁹⁰, однако даже к этому времени в ее личных письмах очень мало жалоб на Месье и, напротив, отмечается, как он заботился о ней, когда она болела. Двор также был не склонен винить графа Прованского в распаде брака.

Двойственное ощущение у современников вызывала и его связь с мадам де Бальби. Месье вел себя в лучших традициях французского двора: он поселил де Бальби в Малом Люксембурге, добился для нее покоев в Версале, разбил для нее в Версальском парке отдельный садик, заре-

⁸⁶ Lettre à M. le chevalier de Lisle. 10 juillet 1774 // Œuvres complètes de Voltaire. P., 1838. T. 13. P. 251.

⁸⁷ Lettre à M. Rulhière. 8 août 1774 // Ibid. P. 254.

⁸⁸ Biographie universelle ancienne et moderne. Vol. 25. P. 241.

⁸⁹ *Beauchamp A.* Op. cit. P. 25, 26.

⁹⁰ Цит. по: *Mansel Ph.* Op. cit. P. 31.

зервировал апартаменты в еще одном своем владении, замке Брюнуа. И все же при дворе находились люди, сомневавшиеся в наличии, собственно, любовной составляющей и полагавшие, что Месье был очень привязан к своей супруге и дарил мадам де Бальби лишь свою дружбу⁹¹.

В мемуарах таких скептических оценок куда больше, что, впрочем, никак не говорит об успехе этой репрезентации тогда, когда принц ее затевал, поскольку в дальнейшем его непростые отношения с любовницей и история их расставания получили широкую огласку. «Мадам Бальби завладела, скорее, его разумом, нежели его чувствами»⁹², – напишет один из современников. Другая же современница сравнит впоследствии де Бальби с лошадьми, которых принц покупал, но никогда на них не взбирался, и добавит, что Месье «был невинен, как Ориген»⁹³ – сомнительный комплимент, при том, что Ориген оскотил себя в порыве благочестия.

И все же создаваемый принцем образ трудно назвать неудачным, ведь даже в современных Людовику XVIII критических памфлетах специально отмечалось, что в юности для него была характерна сексуальная распущенность и неразборчивость в связях⁹⁴. И хотя граф Прованский был единственным из трех братьев, у кого так и не появилось потомства, ни по свидетельствам современников, ни по работам историков не видно, чтобы отсутствие детей наносило серьезный урон его престижу, чего нельзя, к примеру, сказать, о Людовике XVI в первые годы его брака с Марией-Антуанеттой, когда этот сюжет становился темой множества сатирических песенок и памфлетов.

Пожалуй, самым сложным моментом остаются те взаимоотношения, которые сложились внутри королевской семьи, и здесь граф Прованский оказался наименее успешен.

В многочисленных рассказах о юности принцев мне видится определенное напряжение, нередко возникавшее между братьями: чувствуется, что они частенько друг друга раздражали. Одной из причин того, что в отношениях между братьями отсутствовала теплота, видится их бросающаяся в глаза разница в характерах. Будущего Людовика XVI нередко описывают как «близорукого, застенчивого, угрюмого,

⁹¹ *Soulavie J.-L.* Op. cit. P. 78.

⁹² *France d'Hézeques F., comte de.* Op. cit. P. 53.

⁹³ *Arnault A.-V.* Op. cit. P. 170.

⁹⁴ [*Raisson H.-N.*] *Amours secrètes des Bourbons, depuis le mariage de Marie-Antoinette jusqu'à la chute de Charles X, par la Csse du C***.* P., 1830. Vol. 2. P. 6.

неуклюжего»⁹⁵, тогда как Месье, напротив, был с юных лет человеком светским, умевшим привлекать к себе людей. Сам будучи способным принять решение и следовать ему, Людовик-Станислас-Ксавье как-то сказал: «Чтобы представить себе слабость и нерешительность короля, вообразите, что вы пытаетесь удержать в руке шарики из слоновой кости, смазанные маслом»⁹⁶. Если один славился прямоотой и неумением скрывать свои чувства, то другой, напротив, редко избирал прямой путь. В отличие от короля, Месье много путешествовал по Франции. Людовик XVI за всю свою жизнь совершил лишь три небольшие поездки по стране (в том числе в Реймс на коронацию)⁹⁷ и плохо знал даже Париж. Рассказывали, к примеру, что когда Иосиф II обсуждал с Людовиком XVI увиденное им в столице французского королевства, то выяснилось, что король представления не имеет, как выглядит столь поразивший императора Дом инвалидов⁹⁸. Месье же еще в 1777 г. отправился в длительное путешествие по югу Франции и, в частности, по своему графству. Триумфальный прием в Бордо, Марселе, Тарасконе, Ниме, Авиньоне произвели на него огромное впечатление⁹⁹. В другие поездки он посещал Шамбери и Лион, побывал в Виши и Меце.

После того как герцог Беррийский женился на Марии-Антуанетте, молодые люди стали проводить много времени вместе. Братья были погодками, эрцгерцогиня – ровесницей младшего из них, и поначалу она так много внимания уделяла графу Прованскому и так любила бывать в его компании, что это стало вызывать тревогу у Мерси д'Аржанто, а через него – у Марии-Терезии. В 1773 г. в письме Мерси она специально отмечала: «Я хочу, чтобы моя дочь всегда остерегалась графа Прованского. Это принц мне кажется фальшивым»¹⁰⁰. Граф Прованский и в самом деле не просто с удовольствием проводил время с женой брата, но и постоянно выказывал себя галантным кавалером и ухаживал за ней настолько, насколько позволяли приличия. Так, однажды он по-

⁹⁵ Пименова Л.А. Людовик XVI. С. 63.

⁹⁶ Кастр Р. де. Мирабо. М., 2008. С. 282.

⁹⁷ Метивье Ю. Франция в XVI–XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV. М., 2005. С. 168.

⁹⁸ Пименова Л.А. Людовик XVI – французский король эпохи Просвещения // Человек эпохи Просвещения. М., 1999. С. 9.

⁹⁹ Beauchamp A. Op. cit. P., 1821. P. 11ss.

¹⁰⁰ Marie-Thérèse à Mercy, Schönbrunn, le ... juillet 1773 // Marie-Antoinette... Vol. 2. P. 1. Впрочем, скорее всего против Месье настраивал императрицу именно Мерси, не раз отмечавший в письмах его двуличность и «склонность к интригам». – См., например: Ibid. Vol. 1. P. 175, 274; Vol. 2. P. 16.

дарил ей веер, украшенный следующими стихами: «В сильнейшую жару Я рад скрасить ваш досуг. Я буду рядом с вами, чтобы навевать зефиры, Ну а любовь придет сама»¹⁰¹. В этом ракурсе едва ли правы те современники, которые, как французский ученый и дипломат Ж.-Л. Сулави, полагали, что Месье, унаследовав дипломатические принципы отца, «постоянно пребывал в открытом противостоянии с Марией-Антуанеттой»¹⁰².

В конце концов императрица потребовала от своего посла присматривать, чтобы ее дочь не сходилась с Людовиком-Станисласом слишком близко, поскольку сравнение будет не в пользу мужа¹⁰³, и Мерси сделал все для того, чтобы рассорить австрийскую принцессу и младшего брата герцога Беррийского, постоянно подчеркивая в разговорах с девушкой его неискренность и двуличность¹⁰⁴. Явно под его влиянием Мария-Антуанетта в своих письмах матери неоднократно отмечала, что характер графа Прованского куда менее искренний, чем ее собственный¹⁰⁵.

Однако до поры до времени Марии-Антуанетте, скорее, доводилось выступать посредницей между двумя братьями и заставлять их мириться после частых ссор, одна из которых даже закончилась дракой. «В комнате графа Прованского, – рассказывает Мерси д'Аржанто, – на каминной полке стояла очень искусно сделанная фарфоровая статуэтка. Когда г-н Дофин оказывался в этой комнате, он приобрел привычку рассматривать эту фигурку. Это тревожило г-на графа Прованского и как-то, когда г-жа Дофина смеялась над его страхами, г-н Дофин, державший в это время статуэтку в руках, выронил ее, и она разлетелась на части. Г-н граф Прованский, поддавшись гневу, кинулся на г-на Дофина, схватил его за шиворот и несколько раз ударил. Г-жа Дофина, в замешательстве от этой сцены, кинулась их разнимать, и ей даже поцарапали руку. Сразу же после ссоры они помирились»¹⁰⁶. Впрочем, складывается впечатление, что будущий Людовик XVI и сам с удовольствием задирали брата: тот же Мерси сообщал императрице, что в другой день, когда Мария-Антуанетта играла с Людовиком-Станисласом

¹⁰¹ *Créqui R.C. de Froulay, marquise de*. Op. cit. Vol. 5. P. 43.

¹⁰² *Soulavie J.-L.* Op. cit. P. 81–82.

¹⁰³ Marie-Thérèse à Mercy. Vienne, 31 octobre 1772 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 362. См. также: Marie-Thérèse à Mercy. Vienne, 3 mars 1773 // Ibid. Vol. 1. P. 425.

¹⁰⁴ См., например: Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 20 avril 1775 // Ibid. Vol. 2. P. 323.

¹⁰⁵ Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Le 21 janvier 1772 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 261.

¹⁰⁶ Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 15 juin 1772 // Ibid. P. 313.

в пикет¹⁰⁷, герцог Беррийский в нетерпении, когда наступит его очередь, стал постукивать по руке брата палкой, пока тот не кинулся на Дофина, чтобы ее отобрать, и его жене вновь пришлось их мирить¹⁰⁸.

Перелом в отношениях, скорее всего, наступил в середине 1775 г. Как докладывал Мерси д'Аржанто Марии-Терезии, после смерти Людовика XV его наследник нашел письма графа и графини Прованской, «в которых эти принц и принцесса требовали у покойного короля вещи, абсолютно противоположные тем разговорам», которые они вели с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой – речь в основном шла о просьбах назначить на должность того или иного дворянина. Мерси не упустил свой шанс. «Король был этим сильно шокирован, – докладывал он, – как и королева; и я воспользовался этими обстоятельствами, чтобы утвердить Е.В. в желании вести себя сдержанно и осмотрительно по отношению к деверю и его супруге»¹⁰⁹. После этого в письмах матери королева отмечала, что они с мужем сосуществуют с Месье «без раздоров и без доверия»¹¹⁰, и признавалась, как она счастлива тем, что из трех братьев ей достался именно Людовик-Огюст, «хотя он и неуклюж»¹¹¹.

Аналогичных взглядов придерживался и Людовик XVI. Не без внутреннего удовлетворения Мерси передает его реплику, брошенную брату, исполнявшему в одной из постановок роль Тартюфа, о том, что персонажей в пьесе играют люди, соответствующие им по характеру¹¹². Свою роль сыграли некие преданные гласности письма Месье¹¹³, продемонстрировавшие, что граф Прованский ведет двойную игру. Публикатор переписки Марии-Антуанетты с матерью предполагает, что речь идет о его письмах к Густаву III. Нельзя этого исключить, хотя в опубликованных к настоящему времени письмах графа Прованского королю Швеции за 1775 г. и несколько предыдущих лет сложно найти что-то компрометирующее. Так или иначе, в своем письме шведскому королю от 12 июня 1775 г. граф Прованский не без горечи отметит: «Я в хороших отношениях с королем и в неплохих с королевой»¹¹⁴.

¹⁰⁷Одна из старейших французских карточных игр, популярная в XVIII в. по всей Европе.

¹⁰⁸Mercy à Marie-Thérèse. Compiègne, 14 août 1772 // Marie-Antoinette... Vol. 1. P. 335.

¹⁰⁹Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 28 juin 1774 // Ibid. Vol. 2. P. 184.

¹¹⁰Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Versailles, 14 juillet 1775 // Ibid. P. 352.

¹¹¹Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Le 15 décembre 1775 // Ibid. P. 404.

¹¹²Mercy à Marie-Thérèse. Paris, 28 juin 1774 // Ibid. P. 184.

¹¹³Marie-Antoinette à Marie-Thérèse. Le 12 novembre 1775 // Ibid. P. 393.

¹¹⁴Geffroy Au. Gustave III et la cour de la France. Op. cit. P. 291.

Ситуация усугублялась тем, что Людовик XVI, став королем, очевидно не обладал в глазах братьев авторитетом деда. Так, и граф Прованский, и граф д'Артуа, и их жены отказывались регулярно присутствовать на церемонии пробуждения короля, тогда как при Людовике XV таких проблем не возникало¹¹⁵.

Еще одной причиной постоянных разногласий между братьями принято считать их неизменное соперничество, якобы сложившееся еще в юности. Нередко можно встретить упоминания о том, что в молодые годы граф Прованский не стеснялся выказывать свое превосходство над братом, что того, естественно, раздражало. Рассказывают, к примеру, что однажды, когда герцог Беррийский в присутствии брата неграмотно построил предложение, Людовик-Станислас-Ксавье презрительно заметил, что принцу пристало владеть своим языком. На что будущий Людовик XVI якобы раздраженно парировал: «И уметь его придерживать!»¹¹⁶ Впрочем, эта история выглядит несколько иначе, если поверить современнику, сообщавшему, что в 1789 г., накануне открытия заседаний Генеральных штатов Людовик XVI прочитал братьям свою речь, иронично заметив в адрес графа Прованского: «Вы пурист и поправите мои ошибки»¹¹⁷. Ровно такая же добродушная ирония видится мне и в другом эпизоде, о котором рассказывает Э. Фор, трактуя его, впрочем, совершенно иначе. «Нельзя сказать, что он неспособен дать резкий отпор, – писал Фор о Людовике XVI. – Обычно такие выпады вызывает его брат, граф Прованский, как если б только вражда и зависть способны вывести короля из спячки. Таков его ответ бестактному представителю провинциальной делегации, который расхваливал его ум: “Я вам очень благодарен, сударь, но вы ошибаетесь: очень умен не я, а мой Прованский брат”»¹¹⁸.

В своем стремлении абсолютизировать это соперничество Л. Блан даже доходит до утверждения о том, что будто бы иезуиты, занимав-

¹¹⁵ Mercy à Marie-Thérèse. Compiègne, 15 août 1774 // Marie-Antoinette... Vol. 2. P. 184.

¹¹⁶ [Bachaumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Op. cit. Londres, 1780. Т. 1. P. 194. Правда, в других мемуарах той эпохи рассказывается, что это был разговор между графом Прованским и графом д'Артуа. – Créquy R.C. de Froulay, *marquise de*. Op. cit. Vol. 4. P. 172.

¹¹⁷ Luchet J.-P. *Mémoires pour servir à l'histoire de l'année 1789*. P., 1791. Vol. 2. P. 19.

¹¹⁸ Фор Э. Указ. соч. С. 63–64. Любопытно, что явно из того же анекдота и подобных ему Л. Блан делал противоположные выводы: с его точки зрения, Месье «был выше своего старшего брата по уму, по образованию, по твердости характера, и сам Людовик XVI признавал это превосходство, имея обыкновение говорить: “Спросите у моего Прованского брата”». – Блан Л. *История Французской революции*. СПб., 1907. Т. 2. С. 16. К аналогичным выводам пришел и Люкас-Дебретон: *Lucas-Debreton J.* Op. cit. P. 8. Сама же фраза, видимо, восходит к: *Beauchamp A.* Op. cit. P. 6.

шиеся образованием принцев, специально не учили герцога Беррийского искусству управлять и, напротив, развивали в нем склонность к подчинению, надеясь, что со временем он попадет под влияние брата¹¹⁹. Но действительно ли граф Прованский хотел занять место Людовика XVI? Такие утверждения не редкость у современников¹²⁰, начиная с членов королевской семьи¹²¹. Как писала Мария-Антуанетта, «в его сердце больше любви к себе, нежели привязанности к старшему брату и, без сомнения, ко мне. Всю жизнь он страдал от того, что не родился господином»¹²². Другое дело, что реальных свидетельств такого соперничества сохранилось немного, и все они чрезвычайно сложно проверяемы.

Пожалуй, единственная сфера, где конфликт интересов явно чувствовался, это отношение Месье к детям королевской четы. Из письма Густаву III во время первой беременности королевы видно, до какой степени граф Прованский расстроен этим событием¹²³. Очевидно, что отсутствие потомства у Людовика XVI и Марии-Антуанетты укрепляло положение Месье и внушало ему надежды на трон. Первым ребенком короля и королевы стала родившаяся в декабре 1778 г. девочка. В частном письме граф Прованский признавался, что испытал при этом определенное облегчение, тем более что прогнозы на благополучное разрешение королевы от бремени второй раз были не столь радужными¹²⁴.

В исторических работах не сложно найти мысли о том, что отныне заботой графа Прованского становится поиск доказательств того, что отец детей – не его брат, и внушение сомнений на этот счет придворным и общественному мнению¹²⁵. Один из современ-

¹¹⁹ Блан Л. Указ. соч. СПб., 1907. Т. 3. С. 121.

¹²⁰ См., например: Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette... P. 253.

¹²¹ С этим согласны десятки историков. См., например: *Fleischmann H.* Les pamphlets libertins contre Marie-Antoinette : d'après des documents nouveaux et les pamphlets tirés de l'Enfer de la Bibliothèque nationale. P., [1908]. P. 86 ; *Stenger G.* Le retour des Bourbons. P., 1908. P. 15 ; *Pellet M.* Les Actes des Apôtres (1789-1791). P., 1873. P. 236; *Capefigue B.* La Comtesse Du Cayla. Louis XVIII et les salons du faubourg Saint-Germain sous la Restauration. P., 1866. P. 209; *Lever E.* Louis XVIII. P. 10. «Снедаем жаждой высшей власти, этот принц видел в целом мире лишь одного себя», – писал граф Грюо де ля Бар. – *Gruau de la Barre, comte.* Intrigues dévoilées, ou, Louis XVII, dernier roi légitime de France. Rotterdam, 1846. T. 1. P. 106.

¹²² Marie-Antoinette à la princesse de Lamballe. [Premiers jours de juillet 1791] // Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Élisabeth, lettres et documents inédits / publ. par F. Feuillet de Conches. P., 1864. Vol. 2. P. 154.

¹²³ *Geffroy Au.* Op. cit. P. 294–295.

¹²⁴ *Ibid.* P. 296.

¹²⁵ См., например: *Spronck M.* Les projets de la réaction monarchique pendant la révolution // La Révolution française. T. 9. Juillet – Décembre 1885. P. 46 et suiv.

ников не преминул отметить, что когда в январе 1779 г. дочь королевской четы крестили и Месье держал ребенка на руках, представляя короля Испании, Главный раздатчик милостыни спросил принца, какое имя следует дать девочке. «Но с этого ли нужно начинать? – ответил граф Прованский. – Согласно обряду, сперва нужно узнать, кто ее отец и мать». Ему возразили, что это предусмотрено для случаев, когда родители не известны, а это явно не та ситуация. Однако Месье не удовлетворился этим ответом и спросил мнения присутствующего на церемонии кюре собора Нотр-Дам. Кюре подтвердил правоту принца, но ответил, что в данном конкретном случае он на стороне Главного раздатчика милостыни. Присутствовавшие на церемонии придворные захихикали, еще более подчеркивая пикантность ситуации¹²⁶.

После рождения осенью 1781 г. мальчика, получившего титул Дофина, граф Прованский перестал быть наследником престола. Впрочем, в рассказах о его отношении к этому событию чрезвычайно сложно отличить правду от вымысла. Так, в историографии на протяжении уже двух столетий муссируется слух о том, что якобы граф Прованский то ли добился от пэров Франции подписания специального протеста против того, чтобы дети короля считались законными¹²⁷, то ли даже умудрился собрать документы, доказывающие адюльтер королевы, и хотел представить их на рассмотрение Соборания нотаблей при посредничестве одного из пэров; это событие относят то ли к 1787 г.¹²⁸, то ли к 1789 г.¹²⁹ Несмотря на то что этот слух неоднократно воспроизводился в исторических работах, мне видятся вполне резонными аргументы Э. Левер, которая считает его совершенно фантастическим: трудно представить себе, чтобы в годы, когда и речи не шло о лишении Людовика XVI власти, Месье решил бы пойти на столь открытый конфликт с непредсказуемыми последствиями. Впрочем, есть и другая версия той же истории: молодой маркиз де Буйе в мемуарах рассказывает о том, что слышал «достаточно правдивые свидетельства» о том, что Месье отправил в Па-

¹²⁶ [Bachumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Op. cit. T. 13. P. 251, 252.

¹²⁷ Л. Блан рассказывает, что этот протест не был предан гласности, но хранился в архивах Парламента. – Блан Л. Указ. соч. Т. 3. С. 128–129.

¹²⁸ *Comte Ch., Dunoyer Ch.* Le Censeur, ou Examen des actes et des ouvrages qui tendent à détruire ou à consolider la constitution de l'État. P., 1815. Vol. 6. P. 46; *Spronck M.* Op. cit. P. 46–47.

¹²⁹ *Hérisson comte de.* Autour d'une Révolution (1788–1799). P., 1888. P. 29.

рижский парламент документы, свидетельствующие о незаконности детей короля¹³⁰, и они ждали в Парламенте своего часа: как только удалось бы избавиться от Людовика XVI, они сразу же были бы пущены в ход¹³¹. Этот вариант видится мне куда более логичным с политической точки зрения, но столь же мало реалистичным: очевидно, такую акцию нельзя было бы сохранить в тайне от королевской семьи и отношения были бы безнадежно испорчены.

Кроме того, хотя действительно в мемуарах, дипломатической переписке, в рассказах о ходивших при дворе сплетнях и анекдотах можно, при желании, найти немало подтверждений реальной или предполагаемой конкуренции между братьями, можно привести немало и других фактов. В ноябре 1785 г. двор активно обсуждал, что, поскольку у Месье нет детей, он завещает свое состояние герцогу Нормандскому¹³². Да и хотя нередко принято считать, что в годы Революции граф Прованский делал все, чтобы лишить брата трона, у меня складывается обратное ощущение: несчастья явно сблизили королевскую семью, и в конце 1790-х гг. это дало основания Людовику XVIII написать о Марии-Антуанетте: «Издавна я был с ней в довольно плохих отношениях, в последние годы стал ее другом». Хотя, добавляет принц, я «никогда не принадлежал к тем, кто пользовался ее благосклонностью»¹³³.

На мысли о том, что в данном случае Людовик-Станислас-Ксавье не кривит душой, наводит и следующий эпизод. Вскоре после казни Людовика XVI Мария-Антуанетта поручила одному немногих оставшихся ей верными дворян передать графу Прованскому печать покойного короля, его перстень и пряди волос членов королевской семьи. Насколько я могу судить, эта история, многократно воспроизведенная в литературе, восходит к воспоминаниям Ж.Б. Анета, обычно именуемого Клеры (*Hanet dit Cléry*), слуги Людовика XVI во время его заключения в Тампле. По его словам, проезжая через Бланкенбург, он встретился с Людовиком XVIII, который и показал ему реликвии, а также записку Марии-Антуанетты, где она сообщала Месье, как любит

¹³⁰ Souvenirs et fragments pour servir aux Mémoires de ma vie et de mon temps. par le Marquis de Bouillé... P. 98

¹³¹ Ibid. P. 122.

¹³² [Bachaumont L. *Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.*] Op. cit. Londres, 1786. T. 30. P. 44. Впрочем, тут же добавляли, что это якобы должно было привести к согласию между Месье и королевой и принести тому место в Совете.

¹³³ [Louis XVIII]. Réflexions historiques sur Marie-Antoinette // *Revue des deux mondes*. Vol. 22. Juillet – août 1904. P. 242.

его, и подчеркивала, что это говорится от чистого сердца¹³⁴. Другой весьма осведомленный современник, барон де Гогла¹³⁵, рассказывая эту историю, добавляет, что отправленный королевой дворянин не только встретился с Месье в Хамме, но и получил от графа Прованского чрезвычайно трогательное письмо, полное любви и нежных чувств к членам королевской семьи¹³⁶. Разумеется, зная отношение королевы к Месье до Революции, к этому сюжету нельзя отнести без известного скепсиса, к тому же очевидно, что если реликвии и были переданы графу Прованскому, то, скорее всего, как главе рода, старшему члену семьи. Тем не менее им обоим ничто не мешало выбрать и иные формулировки.

Существует и еще один весьма любопытный документ. Уже в начале XX в. известный историк эмиграции Э. Доде опубликовал попавший ему в руки неизвестный ранее текст, озаглавленный «Исторические размышления о Марии-Антуанетте»¹³⁷. По его словам, он целиком написан рукой Людовика XVIII, датирован ноябрем 1798 г. и дополнен пометкой о том, что предназначался к анонимной публикации. Можно только гадать, что заставило короля написать этот очерк, разве что ровно 5 лет, прошедшие со дня казни Марии-Антуанетты. В этом тексте жена Людовика XVI рисуется с большим сочувствием и в весьма благоприятных тонах; специально коснувшись разговоров о ее амурных похождениях и о том, что дети могли не принадлежать ее мужу, Людовик XVIII эти слухи решительно отвергает¹³⁸. Хотя, безусловно, трудно исключить и мысль о том, что к 1798 г. все эти истории давно потеряли актуальность, и не было никакого смысла бросать тень на память покойной королевы.

¹³⁴ *Cléry J.-B.* Journal de ce qui c'est passé à la tour du Temple pendant la captivité de Louis XVI, Roi de France. Londres, 1798. P. 128.

¹³⁵ Франсуа, барон де Гогла (1746–1831) – драгун, личный секретарь Марии-Антуанетты, отвечал за ее тайную переписку. Один из организаторов бегства королевской семьи в Варенн. После 10 августа 1792 г. в эмиграции: вначале в Англии, а затем на австрийской службе.

¹³⁶ *Mémoire de M. le Baron de Goguelat, lieutenant-général, sur les évènements relatifs au voyage de Louis XVI à Varennes ; suivi d'un précis des tentatives qui ont été faites pour arracher la Reine à la captivité du Temple.* P., 1823. P. 79, 80–81. Барон подчеркивал, что видел это послание, встретившись с женой дворянина, однако сам он явно не мог быть участником событий.

¹³⁷ [*Louis XVIII*]. *Réflexions...* P. 241–263.

¹³⁸ Впрочем, Ф. Мэнсел интерпретирует этот документ совершенно по-иному. С его точки зрения, то, что Людовик XVIII приводит эти слухи, свидетельствует о желании короля о них напомнить.

Так или иначе, эти рассказы о реальном или предполагаемом соперничестве между братьями неминуемо ставят и вопросы о порядочности Людовика-Станисласа-Ксавье. Нередко утверждается, что именно он активно распространял сплетни о бессилии короля и распутстве королевы¹³⁹; инспирировал или даже субсидировал «памфлетную войну», направленную против королевской четы¹⁴⁰: речь идет о многочисленных памфлетах, сатирических куплетах и т.д., в которых обсуждалась бездетность Людовика XVI и безнравственность Марии-Антуанетты¹⁴¹.

Убедительных доказательств этому нет. Впрочем, не приходится сомневаться, что проникшая в историографию точка зрения стала отражением тех выводов, которые делало общественное мнение в последнее царствование Старого порядка. О том же, насколько эти выводы были правильными, судить практически невозможно. Сам Людовик XVIII в 1801 г. комментировал этот сюжет следующим образом:

«Если бы я мог оживить прах моей несчастной кузины, она сказала бы, ненавидел ли я ее.

Обвинять меня в неясных, потайных, неопределенных и меняющихся в зависимости от обстоятельств амбициях – это все равно что уподобляться Гакону¹⁴², который полон нетерпения от того, что Фонтенель не отвечал на его памфлеты, написал еще один: “Ответ на молчание г-на де Фонтенеля”»¹⁴³.

В заключение можно сказать, что итоги первых тридцати с небольшим лет жизни графа Прованского оказались для него весьма благоприятными. Созданные им репрезентации оказались довольно успешными. Он нравился людям, был популярен, снискал репутацию человека умного и вдумчивого, и это хорошо заметно по воспоминаниям современников. Так, герцог де Кроа, вспоминая про одно из выступлений Месье в 1775 г., рассказывает, что тот говорил «великолепно», «с изяществом и талантом». «Мы все были очарованы, поскольку он продемонстрировал величайший талант для работы в Совете. Это было действительно впечатляюще для его двадцати лет, невозможно пред-

¹³⁹ Черкасов П.П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 30–31.

¹⁴⁰ Блан Л. Указ. соч. С. 130; Fleischmann H. Op. cit. Ch. 3. Um pamphlétaire royal; Spronck M. Op. cit. P. 45.

¹⁴¹ См. о них, например: [Bachaumont L. Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.J. Op. cit. T. 9. P. 48–49, 55, 61

¹⁴² Франсуа Гакон (*Gacon*) (1667–1725) – французский сатирический поэт (был прозван «поэтом без прикрас» и журналист, ораторианец.

¹⁴³ [Louis XVIII] Notes de lecture. P. 46.

ставить ничего лучше». «Грация, сила, справедливость, благородство, наконец, тон и суть – все там было»¹⁴⁴. «Месье держал себя с большим достоинством, чем король, – напишет в своих мемуарах Ж.-Л.Г. де Кампан, придворная дама Марии-Антуанетты, – однако его телосложение и полнота мешали ему; он любил представительность и пышность, он посвящал свое время литературе и, под псевдонимами, несколько раз публиковал в *Mercure* и других газетах свои стихи»¹⁴⁵. Даже те современники, которые относились к Месье с презрением, как Ж.-Л. Сулави, признавали, что ради получения должностей, возвышения фаворитов и сколачивания своей группировки он интриговал меньше, чем королева, а в его финансах царил порядок¹⁴⁶.

Месье накопил и немалый политический капитал. Возглавляемый им комитет одного из Собраний нотаблей между собой называли «комитет мудрецов»¹⁴⁷. На фоне нерешительности монарха, сомнений в его способности выйти из кризиса без потерь Людовик-Станислас создавал образ человека, с одной стороны, решительного и знающего, чего он хочет, с другой – твердо поддерживающего короля, с третьей – обладающего необходимыми способностями и умениями для того, чтобы занять высокий государственный пост. Кроме того, и это было не менее важным, он оказывался привлекательной фигурой для желающих перемен, поскольку единственный из принцев поддержал удвоение представительства третьего сословия в Генеральных штатах. В первые месяцы Революции его прочили на пост первого министра, парижане смотрели на него с благосклонностью и удостаивали оваций. Это предоставляло Месье уникальную возможность, к которой он столь долго стремился, реализовать себя в политической сфере.

Казалось, впереди его ждет блестящее будущее.

Список литературы

- Блан Л. История Французской революции. СПб., 1907. Т. 2–3. [*Blanc L. Istorija Francuzskoj revoljucii. SPb., 1907. T. 2–3*].
- Кастр П. де. Бомарше. М., 2003. [*Castries R. de. Beaumarchais. M., 2003*].

¹⁴⁴ *Croÿ E. de. Op. cit. Vol. 3. P. 193.*

¹⁴⁵ *Campan madame de. Op. cit. P. 125.*

¹⁴⁶ *Soulavie J.-L. Op. cit. P. 84.*

¹⁴⁷ А под руководством графа д'Артуа – «комитетом искренних» (*comité des francs*). – *Beauchamp A. Op. cit. P. 21.*

- Кастр Р. де. Мирабо. М., 2008. [Castries R. de. Mirabeau. M., 2008].*
- Метивье Ю. Франция в XVI–XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV. М., 2005. [Métivier H. Francija v XVI–XVIII vv. ot Franciska I do Ljudovika XV. M., 2005].*
- Пименова Л.А. Людовик XVI – французский король эпохи Просвещения // Человек эпохи Просвещения. М., 1999. [Pimenova L.A. Ljudovik XVI – francuzskij korol' jepohi Prosveshhenija // Chelovek jepohi Prosveshhenija. M., 1999].*
- Пименова Л.А. Людовик XVI // ВИ. 2000. № 3. [Pimenova L.A. Ljudovik XVI // Voprosy istorii. 2000. № 3].*
- Фор Э. Опала Тюрго 12 мая 1776 г. М., 1979. [Faure E. Opala Turgot 12 maja 1776 g. M., 1979].*
- Черкасов П.П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. [Cherkasov P.P. Lafayette. Politicheskaja biografija. M., 1991].*
- Archives parlementaires. 1ère série. P., 1880. Vol. 11.*
- Arnault A.-V. Souvenirs d'un sexagénaire. P., 1833. Vol. 1.*
- Augeard J.-M. Mémoires secrets de J.-M. Augeard, secrétaire des Commandemens de la reine Marie-Antoinette (1760 à 1800). P., 1866.*
- [Bachaumont L. Petit de, Pidansat de Mairobert M.-F., Mouffle d'Angerville B.-F.-J.]. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des Lettres en France, depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours. Londres, 1780–1786. T. 1, 5, 7, 9, 10, 13, 15, 30.*
- Beauchamp A. Vie de Louis XVIII: roi de France et de Navarre. P., 1821. Biographie universelle ancienne et moderne / Sous la dir. de L.G. Michaud. P., Leipzig, [185?]. Nouvelle édition. Vol. 25.*
- Boigne, É.-A. d'Osmond, comtesse de. Récits d'une tante : mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond. P., 1921. Vol. 1.*
- Bombelles marquis de. Journal. Genève, 1982. Vol. 2. 1784–1789.*
- Campan madame de. Mémoires sur la vie privée de Marie-Antoinette. P., 1823. Vol. 1.*
- Capefigie B. La Comtesse Du Cayla. Louis XVIII et les salons du faubourg Saint-Germain sous la Restauration. P., 1866.*
- Cléry J.-B. Journal de ce qui c'est passé à la tour du Temple pendant la captivité de Louis XVI, Roi de France. Londres, 1798.*
- Comte Ch., Dunoyer Ch. Le Censeur, ou Examen des actes et des ouvrages qui tendent à détruire ou à consolider la constitution de l'État. P., 1815. Vol. 6.*
- Correspondance secrète du Comte de Mercy-Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le Prince de Kaunitz. P., 1889. Vol. 1.*

- Créqy R.C. de Froulay, marquise de.* Souvenirs de la marquise de Créqy de 1710 à 1803. P., 1873. Vol. 5.
- Croÿ E. de.* Journal inédit du duc de Croÿ (1718-1784). P., 1907. Vol. 3.
- Du Bled V.* La comédie de société au XVIIIe siècle. P., 1893.
- Fleischmann H.* Les pamphlets libertins contre Marie-Antoinette : d'après des documents nouveaux et les pamphlets tirés de l'Enfer de la Bibliothèque nationale. P., [1908].
- Fleischmann H.* Les pamphlets libertins contre Marie-Antoinette : d'après des documents nouveaux et les pamphlets tirés de l'Enfer de la Bibliothèque nationale. P., [1908].
- France d'Hézecques F., comte de.* Souvenirs d'un page de la cour de Louis XVI. P., 1873.
- Geffroy Au.* Gustave III et la cour de la France. P., 1867. 2ème éd. Vol. 1.
- Chateaubriand F.-R. de.* De Buonaparte, des Bourbons, et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. P., 1814. 3ème éd.
- Girault De Coursac P.* L'éducation d'un Roi, Louis XVI. P., 1972.
- Gruau de la Barre, comte.* Intrigues dévoilées, ou, Louis XVII, dernier roi légitime de France. Rotterdam, 1846. T. 1.
- Hérisson comte de.* Autour d'une Révolution (1788–1799). P., 1888.
- Hobhouse J.* Histoire des Cents jours. P., 1819.
- Lever E.* Louis XVIII. P., 1988.
- Levot P.* Biographie bretonne. Vol. 1. Vanne-P., 1852.
- Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Élisabeth, lettres et documents inédits / publ. par F. Feuillet de Conches. P., 1864. Vol. 2.
- [*Louis XVIII*] Notes de lecture // Le Correspondant. 10.01.1910. № 238.
- [*Louis XVIII*]. Réflexions historiques sur Marie-Antoinette // Revue des deux mondes. Vol. XXII. Juillet-août 1904.
- Lucas-Dubreton J.* Louis XVIII. Le prince errant. Le Roi. P., 1925.
- Luchet J.-P.* Mémoires pour servir à l'histoire de l'année 1789. P., 1791. Vol. 2.
- Mansel Ph.* Louis XVIII. 2nd ed. Guilford, 1999.
- Maria-Theresia und Joseph II. Ihre Correspondentz / hg. von A. Ritter von Arneth. Wien, 1868. Band 2.
- Marie-Antoinette. Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le c^{te} de Mercy-Argenteau : avec les lettres de Marie-Thérèse et de Marie-Antoinette. P., 1874–1875. Vol. 1–3.
- Mémoire de M. le Baron de Goguelat, lieutenant-général, sur les événements relatifs au voyage de Louis XVI à Varennes ; suivi d'un précis des

- tentatives qui ont été faites pour arracher la Reine à la captivité du Temple. P., 1823.
- Mémoires de la baronne d'Oberkirch. Bruxelles, 1834. Vol. 1.
- Mémoires du comte Beugnot, ancien ministre, publiés par le comte Albert Beugnot, son petit-fils. P., 1866. Vol. 2.
- Mémoires du duc Des Cars, colonel du régiment de dragons-Artois, brigadier de cavalerie, premier maître d'hôtel du Roi. P., 1890. Vol. 1.
- Mémoires du Marquis de Bouillé. P., 1859.
- Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette, publiés par sa famille. P., 1837. Vol. 2.
- Moreau J.-N. Mes souvenirs. P., 1901. Vol. 2.
- Neully A.-A.-Ch., comte de. Dix années d'émigration. P., 1865.
- Œuvres complètes de Voltaire. P., 1838. T. 13.
- Pellet M. Les Actes des Apôtres (1789-1791). P., 1873.
- [Raisson H.-N.] Amours secrètes des Bourbons, depuis le mariage de Marie-Antoinette jusqu'à la chute de Charles X, par la Csse du C***. P., 1830. Vol. 2.
- Rozoir Ch. du. Le dauphin, fils de Louis XV et père de Louis XVI et de Louis XVIII: ou Vie privée des Bourbons. P., 1815.
- Sorel A. L'Europe et la Révolution française. P., 1904. Vol. 8.
- Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. P., an X (1801). Vol. 2.
- Souvenirs et fragments pour servir aux Mémoires de ma vie et de mon temps. par le Marquis de Bouillé (Louis-Joseph-Amour). P., 1906. Vol. 1.
- Spronck M. Les projets de la réaction monarchique pendant la révolution // La Révolution française. T. 9. Juillet-Décembre 1885.
- Stenger G. Le retour des Bourbons. P., 1908.